

Иван Аврамов

Его далекие, далекие женщины

ЕГО ДАЛЕКИЕ, ДАЛЕКИЕ ЖЕНЩИНЫ

ЛИЛИТ

У нее были волосы цвета огня.

Волосы эти просто-напросто пылали.

Пока он старался определить, какой все-таки оттенок преобладает в этом немыслимом горении, попутно придумалось совсем из другой оперы: прикасаться к этой изящной головке вовсе небезопасно, так как вполне можно получить ожог с волдырями на ладони.

Он еще не знал, какова она анфас и в профиль, но сказать, что та, которая сидит прямо перед ним в троллейбусе, просто-напросто рыжая девица, язык не повернулся бы: ведь волосы у нее не того, заданного от природы, цвета, какому сопутствуют обязательные и приметные веснушки на лице, шее, спускающиеся, как правило, к груди, нет, у незнакомки была белая и гладкая кожа северянки, волосы ж ее, скорее всего, позаимствовали окрас у расплавленного червонного золота с примесью красной, только что из тигля, меди.

«Господи, а может, передо мною — древняя

Лилит? — внезапно стукнуло ему в голову. — Та самая, апокрифическая, тайна которой не разгадана и по сей день?»

Он решил, что обязательно выйдет вслед за ней, хотя бы ради того, чтобы внимательно ее рассмотреть, даже если это будет совсем не его остановка. Так и получилось — ехать ему было еще порядком, но он последовал за ней, не в силах избавиться от мысли, что надо бы познакомиться, а еще ему очень хотелось, чтобы у огненноволосой оказались зеленые глаза. Перед тем, как распахнулись двери, она поправила прическу, и его тут же осенило, как именно он завяжет разговор. Едва прошли несколько шагов, она впереди, он за ней, как он произнес, придав голосу определенную стеснительность:

— Простите, Бога ради, но нельзя ли взглянуть на ваши ладони?

Она удивленно обернулась, совершенно, похоже, не сообразив, что просьба относится к ней лично и даже, кажется, не уяснив смысла этой странной просьбы, иногда ведь бывает, что люди от неожиданности пытаются определить, кто и к кому обращается, но, поскольку рядом с ними никого больше не было, она поняла, что этот молодой, лет тридцати, весьма симпатичный мужчина говорит что-то именно ей, а ему в это же мгновение бросилось, что у нее несомненно красивые, как он и

предполагал, как почему-то очень и хотелось, зеленые, как раз зеленые глаза, без всяких там золотых или коричневых искорок, без малейшего намека на какую-то там рысью прожелть, и если уж сравнивать эти распахнутые очи, то не с кошачьими, допустим, или еще какими-нибудь зверушечьими глазками, а только с листьями, майскими листьями каких угодно деревьев или травой опять же майских лугов, когда на них еще не пылинки.

— Вы что-то мне сказали? Или мне послышалось? — вежливо уточнила молодая женщина, на первый взгляд показалось, что они ровесники, может, правда, она младше его на два-три года.

— Нет, не послышалось, — улыбнулся он. — Я просто хотел взглянуть на ваши ладони.

— Зачем? С какой стати? Вы что, хиромант?

— Нет-нет. Я просто хочу проверить одну свою догадку.

— Какую именно?

— Да вы не бойтесь! Я даже не прикоснусь к вашим рукам.

— И это все, что вам требуется?

— Это все.

— Ну, ладно... — Она в недоумении покачала головой, как это делают, когда не понимают, чего от них хотят. — Пожалуйста, — показала ему свои

изящные небольшие ладони, и было в этом что-то от маленькой девочки, которая демонстрирует маме свои чисто вымытые перед едой руки.

Он же изобразил на лице полное разочарование:

— Надо же, совсем не угадал...

— Что вы не угадали? — странная ситуация начала ее забавлять и в то же время слегка пугать, что вполне оправдано в наше насыщенное мистикой время.

— Да просто я думал... — замялся он. — У вас на ладонях совсем нет волдырей. Странно...

— Да что — странно? — вскинулась она. — Немедленно прекратите говорить загадками!

— А я и прекратил уже, — засмеялся он. — Вы ведь минуту назад поправляли прическу. Мне показалось, что это грозит вам ожогами. Захотелось проверить, так ли это, и в случае необходимости оказать вам первую помощь.

— Какую помощь? Что за ожоги? Да в своем ли вы уме?

— Конечно! Я не сумасшедший. Дело в том, что такие волосы, как у вас, вижу впервые. Они, представьте себе, горят, причем натуральным пламенем.

— Единственное, что вы угадали, — презрительно отозвалась она. — Я и вправду никогда не красила волосы. Никогда!

— Удивительный цвет! Очень красивый! Редчайший! — его искренность, кажется, подкупила ее: взгляд смягчился, в нем появилась откровенная заинтересованность — что за странный чудак, наверняка подумала она, абсолютно так воспринял бы и он сам кого-то другого, кто пристал бы к нему на улице: ну-ка, покажи свои ладони. — Знаете, я бы хотел чуточку компенсировать причиненный вам дискомфорт. Что, если зайдем вот в эту кафешку и выпьем по чашечке кофе? Вы ведь никуда не торопитесь?

— Нет, не тороплюсь. А в этом кафе я и впрямь получаю удовольствие. Почти ежедневное. Во-первых, живу почти рядом с ним, во-вторых, кофе здесь варят весьма недурственный. Кстати, как правильно, варят или заваривают?

— Можно и так, и так. Как вам нравится...

Кафе оказалось небольшим и очень уютным, в отделке стен преобладало молодое светлое дерево, отчего помещение походило на лакированную шкатулку. Помимо кофе, он заказал незнакомке фирменное пирожное с привкусом чернослива, предварительно осведомившись, не противоречит ли это ее вкусам.

— Вы тоже кофеман? — спросила она.

— Не очень-то, — честно признался он. — Но если напиток вкусен, пью с большим удовольствием.

— И где же вы пробовали самый вкусный кофе?

— На борту круизного лайнера. Когда проходили Босфор, а если конкретнее — Стамбул. Такого кофе я больше нигде и никогда не пробовал. Густой, маслянистый, необыкновенно душистый. Представляете, на берегах, по обе стороны пролива пасутся красные коровы, вдали за ними высоты мегаполиса, а рядом, почти совсем рядом на волнах покачиваются лодки турецких рыбаков... Кстати, как вас зовут?

— Лилиана, — кажется, он вздрогнул так, что, глядишь, она это заметила, только из деликатности не подала виду. Этот день, определенно, был пропитан мистикой. Ведь еще в троллейбусе он подумал, а не апокрифическая ли Лилит находится перед ним, и оказалось, что ее настоящее имя прямо-таки перекликается с тем, которое ему пришло на ум, когда он буквально остолбенел от бушующего пламени ее волос. Вдобавок ко всему — зеленые глаза, которые сумел предугадать, и то, что волосы Лилианы никогда не имели дела с химией.

— Вы не... католичка?

— Нет. А что, похожа?

— Просто вашего имени в православных святцах не найдешь. Но кто сейчас, — непринужденно улыбнулся он, — соблюдает давние

жесткие каноны? Все смешалось...

— Вы... глубоко верующий человек?

— Увы... Вера впитывается с молоком матери... Или рождается в результате сильнейшего потрясения, когда ты — на грани жизни и смерти... Знаете, Лилиана, мне почему-то хочется знать о вас как можно больше... Вы... Вы очень мне нравитесь... Такие глаза, как у вас, я в Киеве еще не встречал... Как вам пирожное, нравится? Ну, я счастлив... Так вот, если взять в целом нашу планету, то такие глаза всего лишь у двоих из каждых ста ее обитателей, и у мужчин они встречаются гораздо реже, чем у женщин. В некотором роде вы — уникам... И очень хорошо, что родились сейчас, а не в средневековье.

— Почему?

— Тогда считали, что зеленоглазые женщины наделены сверхъестественными способностями...

— Ведьмы, что ли?

— Можно сказать и так. Поэтому, не пугайтесь, пожалуйста, их первыми отправляли на костер инквизиции...

— Бр-р-р... — она зябко передернула плечами, а он укорил себя за длинный язык, не язык, а помело, и зачем он его только распустил — показать свою эрудицию? Но, кажется, он напрасно занялся самоедством, потому что Лилиана насмешливо спросила:

— Не трусите, что познакомились с колдуньей? Не бежит холодок по спине?

— Наоборот, радуюсь. Я всегда любил красивых ведьм.

— И много их у вас было?

— Не очень-то, — он решил, что скромность более будет ему к лицу. — Вы — лучше всех... Скажите, Лилиана, а где вы работаете?

— Создаю красоту, — неопределенно ответила она.

— Безумно интересная, должно быть, профессия?

— Какое там... — пренебрежительно махнула рукой она. — Ладно, мне пора. Спасибо за кофе.

Они обменялись телефонами, причем Лилиана сделала это весьма охотно, что приятно обнадежило его — обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки не значилось, значит, она не замужем, и забывчивость тут не причем — он не знал ни одной замужней женщины, которая бы вышла в свет неокольцованной...

* * *

Конечно, в амурных делах он был далеко не новичком, а достаточно искусственным сердцеедом, что вполне естественно для мужчины его возраста — как-никак, тридцать второй год идет. И в

отношениях с женщинами всегда отличался предельной честностью — никаких лживых признаний в любви, никаких обещаний завтра повести под венец, никаких клятв, что по гроб жизни будет верен ей, одной-единственной. Странное дело, но все его прежние пассии прекрасно понимали своего избранника на час, ни на чем не настаивая, ничего не требуя и не выторговывая, они, как и он, жили настоящим, сегодняшним, совсем не заглядывая в завтра, наверное, потому, что понимали беспочвенность и бесполезность этих затей, потому, видимо, что им было хорошо с ним, даже если близость ограничивалась единственно лишь сексом. Нет, он вовсе не напоминал машину для алькова, для низменных, но дарующих наслаждение утех, нет, чувства тоже имели место быть, но не того, видимо, накала, когда забываешь обо всем на свете и переполняешься эндорфинами и феромонами, как бокал с шампанским — бесконечными брызжущими пузырьками. Поэтому крайне удивительно, но все это время после знакомства с Лилианой он думал лишь о ней, упрощенно сводя ее облик всего к двум деталям — неистовому жару волос и омытой дождем лиственной зелени глаз. Все остальное перед ними как-то меркло.

В пятницу, на четвертый день после волнующей поездки в троллейбусе, он не выдержал,

сразу после обеда набрал ее номер и на предложение встретиться вечером услышал:

— Нет, нет, никак не могу. Пятница для меня — главный день недели.

На вопрос, почему так, внятно не ответила, хотя ему показалось — какую-то нотку сожаления, что свидание не состоится, он в ее голосе уловил.

— А если в субботу?

— Тоже не могу. Занята буду целый день. Знаете что? Позвоните-ка мне в понедельник, ближе к полудню...

Ему оставалось только гадать, что мешает этой девушке с пылающей головой прийти на свидание. Что ж, надо ждать понедельника, хоть это, по давней традиции, или, если хотите, общепринятому мнению, и тяжелый день. Как вскоре оказалось, все получилось наоборот. Так что народ, подумал потом он, тоже, бывает, ошибается.

Местом встречи стало уже известное ему кафе «Камелия», где подают обалденно вкусное пирожное с черносливом — до дома Лилианы, как он уже знал, отсюда рукой подать, что, видимо, послужило для нее той гирькой, которая склоняет чашу весов.

Вечер был заботливо согрет весной — апрелю уже готовился вот-вот наступить на пятки май, и все, кто сейчас торопился с работы домой или еще куда-то, были одеты налегке, почти по-летнему, он

же, рассудив, что, может быть, придется возвращаться поздним часом и в одной джинсовой рубашке, хоть и с длинным рукавом, будет холодно, перебросил через руку куртку-ветровку, которую предусмотрительно прихватил еще утром.

Лиλιана же и вовсе безоглядно доверилась первому настоящему, а, по большому счету, обманчивому теплу — с плеч, оставляя шею открытой из-за просторного треугольного, скругленного внизу выреза, спускался вниз, к поясу, терракотового оттенка, с красными горизонтальными полосками, джемпер из тоненького трикотажа с рукавчиком по локоть, светло-зеленая, отливом в хаки, юбка с какими-то симпатичными узорчато-белесыми разводами и не собиралась закрывать коленки; с талии небрежно свисал на левое бедро и вольно доставал почти до колена ремень из крупных колец красивого кожаного витя с вкраплениями желтого металла. Из украшений лишь серьги да длинная цепь под золото с большущими звеньями — симпатичная такая бижутерия. Ему понравилось, что она одета с несомненным вкусом — пламя волос очень даже неплохо гармонировало с остывшим жаром джемпера.

Как-то незаметно, обмениваясь ничего не значащими репликами, они перешли на «ты», да и с чего, интересно, продолжать дальше «выкать» друг

другу им, почти ровесникам? Решено было отужинать в «Камелии», а потом немножко прогуляться перед тем, как каждый отправится восвояси.

— Скажи на милость, а почему это пятница у тебя — на особом положении? Обычно ей рады, ведь впереди выходные, а ты вроде как озабочена... Или я что-то не так понял? — спросил он, справедливо полагая, что нынешняя фаза их знакомства уже требует некоторой конкретики.

— Ну, у меня все не как у людей, — усмехнулась она, и он вдруг поймал себя на мысли, что ему очень нравится ее лицо с достаточно крупными, но милыми чертами, — открытый лоб, негустые брови, которым в детстве было далеко до воссоединения, до срастания, по-весеннему цветущие глаза, красивый нос и не менее красивый рот, несколько слегка завивающихся локонов, упрямо ниспадающих на лоб справа. — Издержки профессии... Ничего не поделаешь... Когда другие отдыхают, я пашу в поте лица. Зато утром они спешат на работу, толкаются и злятся в троллейбусах и автобусах, а я спокойно отсыпаюсь.

— И все же, где ты работаешь? И кем? — ему очень не хотелось услышать что-нибудь такое, что встревожило, насторожило, разочаровало бы его.

— Да не бойся, — она очень тонко уловила его скрытое беспокойство, — я не ночная бабочка,

не продажная жрица любви, Я ... визажист. Работаю, где придется, в том числе и на телевидении. Смотришь ведь программу «Лицо политики»? Еще бы, кто ее не смотрит! Рейтинговая передача... Вот поздним вечером, ночью кто-то сладко засыпает, а я марафету ведущего ток-шоу, его помощника, делаю красавцами и красавицами их собеседников и собеседниц... Возни много, и до, и после...

— Почему — после? — не понял он.

— Эфир окончился, и нужно снять грим с тех, кого уже перечислила. Кое-кто, правда, сам с этим справляется. Короче, когда мысленно скажешь себе: «Ну, вот и все», на часах уже половина второго, если не все два. А еще надо, на развозке, конечно, доехать домой, постоять под душем, а то и бутерброд съесть... В постель падаю, когда уже три пробьет... Нервное напряжение так сразу не отпускает, засыпаю, бывает, в четыре, в пять...

— Да-а-а, — неопределенно протянул он.

— Ты, наверное, обиделся, что я и в субботу не смогла... Небось, подумал, что я тебе соврала... Нет, конечно. Свадьба у меня была, невесту делала неотразимой... Одним ведь телевидением сыта не будешь. Приходится вертеться — то звезд подиума обслужить, то великосветских тусовщиц заядлых, то невест с женихами... Нам, визажистам, гримерам, стилистам, безработица не угрожает.

Интернет пестрит вакансиями. Кто только не приглашает — и косметические компании, им надо тестировать декоративную косметику, и салоны красоты, и всякие там SPA салоны, и фотостудии, и телеканалы, и медицинские центры, и театры, и школы моделей, и... Ну, что тебе сказать, работодателей — выше крыши! Так что, если женишься на мне, — засмеялась звонко, заливисто, — без куска хлеба не останешься. Все, что захочешь, принесу тебе в клювике!..

— А что, такие охотники уже находились? — улыбнулся он.

— Как тебе сказать... Абы кого я не привечаю! А знаешь... Не принимай мои слова за чистую монету, я частенько люблю пошутить...

— Как же ты стала визажистом?

— Рисовала с детства неплохо. Училась даже в художественной школе. Но ни живописца из меня не вышло, ни книжного графика, ни даже, — иронически улыбнулась, — скульптора-монументалиста. Конечно, держать в руках кисть или карандаш умею, но что ни Яблонской, ни Якутовича из меня не получится, поняла давненько. Значит, решила, надо полюбить, досконально освоить какое-нибудь ремесло. И полюбила... И освоила...

— Но твое ремесло сродни творчеству, — осторожно заметил он.